

«Ж И З Н Ъ И ПОЭЗИЯ— О Д Н О...»

К 200-летию со дня рождения В. А. Жуковского

СЕГОДНЯ исполняется 200 лет со дня рождения замечательного поэта и переводчика, одного из основоположников русского романтизма, общественного деятеля и просветителя Василия Андреевича Жуковского. Ближайший друг Пушкина и многих передовых литераторов того времени, Жуковский внес огромный вклад в развитие отечественной культуры. По словам Белинского, «Жуковский... имеет великое историческое значение для русской поэзии вообще: одухотворив русскую поэзию романтическими элементами, он сделал ее доступной для общества, дал ей возможность развития, и без Жуковского мы не имели бы Пушкина».

Несомненным вклад Жуковского в русскую словесность. Он, ратник ополчения в Отечественной войне 1812 года, создает стихи о доблести русских воинов, о любви к Родине, стихи, которыми зачитывалась вся Россия, — «Певец во стане русских воинов». Едва ли не первый в русской литературе, он сказал о назначении поэта в годы великих потрясений быть с народом, разделять его тревоги, беды, радости. Быть певцом народной славы, доблести, героизма.

Создатель русской романтической баллады — «Светлана», «Громобой», «Вадим» и других, Жуковский открыл для русского читателя и величайшие творения иноязычной поэзии. Он перевел Гёте и Шиллера, индийский эпос, поэму Фирдоуси «Рустем и Зораб». В его переводах к нам пришли античная «Одиссея», «Ундины», «Орлеанская дева», «Шильонский узник».

Как и Пушкин, Жуковский перекладывал стихами народные сказки, превращая их в поэмы («Спящая царевна», «Сказка о Берендее»).

С детства мы знаем и любим Жуковского — поэта. Но он был и прекрасным художником. 11 февраля в Москве (а спустя два месяца и в Ленинграде) откроется выставка, на которой будут представлены многочисленные рисунки поэта, материалы, посвященные его жизни и творчеству. Выставка организована и подготовлена Всесоюзным музеем А. С. Пушкина и Государственным Литературным музеем, в ней принимают участие Государственный Исторический и Государственный Русский музеи. Материалы выставки представляют нам биографию поэта, истоки его творчества.

ПРЕКРАСНЫЙ юноша, с жемчужными кудрями и горячими косящим от волнения взором. Жуковский 1816 года, тот, о котором Пушкин вспоминает в восьмой главе романа «Евгений Онегин»:

И ты, глубоко вдохновенный
Всего прекрасного певец,
Ты, идол девственных сердец,
Не ты ль, пристрастием увлеченный,
Не ты ль мне руку подавал
И к славе чистой призывал.

Трудно поверить, что на этом и других портретах Жуковскому уже за тридцать. Он кажется олицетворением самой поэзии, которая вечно молода, которая не знает возраста, недостижима для морщин.

Миниатюрный портрет русского барина в сюртуке... Карандашный набросок женщины в чалме, с длинными бровями, потупленным взором. Внизу подпись автора, юного Жуковского: Сальха.

Внебрачный сын тульского помещика Афанасия Ивановича Бунина и пленной турчанки Сальхи был крещен и записан в церковно-метрическую книгу как отпрыск бедного и благородного родителя Андрея Жуковского, а воспитывался в доме своего благодетеля, обучаясь языкам, истории, музыке и рисованию, в котором особенно преуспел.

Его рисунки, изображающие село Мишенское, Тулу, Белёв, не носили и тени порывистости силы: они педантичны, полны дотошных подробностей и могли бы показаться однообразными, если бы настойчивое, пристальное внимание к одним и тем же уголкам парка, усадьбы, полей и лугов не выдавали постоянной затаённой нежности рисовальщика к ро-

дительскому гнезду, в котором он чувствовал себя иногда гадким утенком.

Много лет спустя, 6 марта 1850 года, в письме к П. А. Плетневу Жуковский размышлял: «Вы хотите, чтобы я написал свои мемуары. На этот вызов решительно отвечаю: нет, сударь... Мемуары мои и подобных мне могут быть только психологическими, то есть историей души... Я по натуре моей не имел практического взгляда на жизнь и на людей; я описал бы настоящее фантастически...»

Действительно, всегда поэтическая жизнь имела для него все черты реальности, и никто не мог бы сказать с большим основанием, чем Жуковский: «И для меня в то время было жизнь и поэзия — одно».

Но это не значит, что поэзию он рассматривал как отвлеченное парение над жизнью, — напротив, одним из первых в России Жуковский осознал общественную значимость, нравственную ценность поэтического слова. Его знаменитое стихотворение «Певец во стане русских воинов» — это гимн Отечеству и его героям. Не случайно «тихий певец» в годину грозных потрясений нашел свое место в рядах московского ополчения:

Доселе тихим лишь полям
Моя играла лира...
Вдруг жребий выпал:

И знамена!
Прости, и сладость мира,
И отчий край, и круг друзей,
И труд уединенный,
И все... я там, где стук мечей,
Где ужасы военных.

На послевоенных портретах Жуковского появляется новая деталь: медаль участника войны, медаль, которой так дорожили и гордились впоследствии все, кто был ею награжден: военачальники, партизаны, поэты.

Поэт Василий Жуковский... Громадное явление Пушкина в глазах потомков поглотило, затмило пленительное сияние поэзии Жуковского.

А между тем, глядя на шумящие кроны Павловского парка, поднимаясь пешком на желтые осенние холмы где-нибудь под Калугой или Тулой, с чувством благодарности вспоминаешь: Жуковский одушевил нашу природу, одарил нас великим и великодушным братством с нею:

Едва, едва одну ее черту
С усилием поймать удастся
Вдохновенно...
Но леза ли в мертвое живое
Кто мог создание в словах
Пересоздать?
Невыразимое подвластно ль
Выраженью?...

В первых числах сентября 1827 года Жуковский посетил Гёте в Веймаре. В подарок от Гёте он привез Пушкину перо, Вяземским — портрет великого германца, выполненный в 1826 году.

Жуковский был знаком со многими великими своими современниками. Они — его собеседники, их произведения следовали он достоинством нашей культуры. Он признанный гений перевода. Это ценили восхищенные друзья, за это порицали недруги, чтли потомки.

Пушкин выразил метафорически: «Переводчики — почтовые лошади просвещения». Однако Жуковский-переводчик подарил своим читателям птицу-тройку русской народной поэзии:

Мчатся всадник и Людмила
Робко дева обхватила
Друга нежною рукой,
Прислонясь к нему главой.
Скоком, летом по долинам,
По буграм и по равнинам;
Пышет конь, земля дрожит;
Брызжут искры от копыт...

Жуковский никогда не считал себя копистом, недаром он постоянно употреблял тер-

мин «пересоздание». Одному из своих немецких корреспондентов он предложил своеобразный способ познакомиться со своим творчеством: достаточно перечислить 12 баллад Шиллера, «Лесного царя», «Наль и Дамаянти» и «Рустем и Зораб», «Ундины». «Читая все эти произведения, верьте или старайтесь уверить себя, что они переведены с русского, с Жуковского... Тогда вы будете иметь полное понятие о том, что я написал лучшего в жизни; тогда будете иметь полное, верное понятие о поэтическом моем даровании...» Тут нет ни рисовки, ни бахвальства, которые Жуковскому вообще были чужды.

«Союз поэтов» — «святая дружба властей» — нравственный закон, предписанный Жуковским русской литературе. Общество «Арзамас» породило замечательную традицию братства русских поэтов.

У Жуковского мало громких стихов; гражданственность его выражалась в ежедневном заступничестве за гонимых и угнетенных. Баратынский, Шевченко, Киреевский, Кюхельбекер, Пушкин, Лермонтов, Гоголь... В разные годы, но при одинаково грозных обстоятельствах приходил им всем на помощь поэт, убежденный, что любовь к человечеству начинается с боли за каждого человека.

Жанр дружеского поэтического послания благодаря Жуковскому сообщил поэзии тепло лирического чувства, неповторимость личной судьбы. Вот в 1814 году он скорбит по поводу смерти В. Озерова в послании к П. А. Вяземскому и В. Л. Пушкину, не предполагая, каким дальним и грозным эхом отзовутся через 23 года его дружеские укоризны:

Увы! «Димитрия» творец
Не отличил простых сердец
От хитрых, полных вероломства.
Зачем он свой сплетать венец
Давал завистникам

с друзьями?
Пусть Дружба немными
перстами
Из лавров сей венец свила —
В них Зависть тернии вплетла;
И торжествует: растерзали
Их иглы славанное чело...

29 января 1837 года, в день рождения Василия Андреевича Жуковского, от смертельной раны умер Пушкин. В этот день на лестнице дома Волконских, куда вышел объявить о случившемся Жуковский, современники, может быть впервые, увидели, что он стар. Увидели его лысину, полноту, углубившийся, угасший взор.

После гибели поэта Жуковский уезжал за границу. Он много путешествовал. Менялись путевые картины, языки, нравы.

Но удивительное дело. Жизнь не случайно поворачивалась к своему началу. И самими похожими оставались его молодые портреты, и безыменные читатели переписывали в свои альбомы его молодые стихи, и новые поэты повторяли его правило: «Живи, как пишешь». А строки из его давнего письма 1815 года уже можно было набирать на скрижалях истории:

«Я сделал еще приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Сарском Селе. Милое живое творенье! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу... Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет».

Т. ГАЛУШКО,
заведующий отделом
Всесоюзного музея
А. С. Пушкина